

Вступление Монтрё

В то время мы ничего не записывали. Мы делали заметки, как и все журналисты: запоминаешь фразы, отлучаешься на секунду, наскоро перекидываешь все в блокнот и идешь выпивать дальше. Кассетные диктофоны существовали, но ими никто не пользовался, ведь нет более верного свойства прикончить живой разговор. Тем более они ни к чему, когда происходит нечто не предназначенное для посторонних глаз и ушей. Когда тебя принимают как приятеля, а не писаку, выхватить диктофон означает потерять лицо и все испортить.

Компанией из трех журналистов мы ускользнули из конференц-центра фестиваля Монтрё, чтобы пропустить по пинте прохладного пива в единственном пабе на главной улице города — тихом приятном месте, которое называлось Blanc Gigi. Мы застали там Фредди с парой приятелей в тесно облегающих брюках — то ли французов, то ли швейцарцев. Он обожал этот типично английский паб посреди Швейцарии, и мы об этом прекрасно знали. В теплохранителях Фредди совершенно не нуждался, но не отказался от сигареты. Что ж — парень из Express всегда носил с собой не меньше четырех пачек. Вечера молодых музыкальных репортеров затягивались далеко за полночь, и мы явились в бар во всеоружии.

Я не впервые встретила Фредди. Несколько раз мы пересекались на вечеринках — как в его компании, так и в моей. Рок-музыку я полюбила еще в колыбели, в 11 лет

уже водила знакомство с Боуи, а с музыкой Queen, сложной и величественной, меня познакомили Джен и Морин Дэй, сестры из Алдершота. Мы вместе путешествовали по Испании — из Барселоны по всему побережью Коста-Брава. Тогда еще все сходили с ума от гитар — каждый парень купил себе по одной, и все хвалились, что у них есть медиатор Джорджа Харрисона.

Не пытаясь превзойти Крисси Хайнд и Джоан Джетт, из журналисток выбившихся в рок-звезды, с начала 80-х по 1992-й я писала о музыке для таких газет, как Daily Mail, Mail on Sunday, их журнала-приложения You и для Sun. С Queen я впервые встретилась, только устроившись в Associated Newspapers — большое издательство, делающее, помимо прочего, Daily Mail и Metro. Меня отправили на интервью с Фредди и Брайаном в офис Queen в крутом лондонском районе Ноттинг-Хилл. В те годы журналисты просто договаривались с музыкантами о времени и приходили. Музыкальный бизнес, еще не обросший бесчисленными паразитами, был намного прозрачнее и проще. Сегодня ведь уже невозможно представить, каким был статус музыкального журналиста в 80-х. Артисты и репортеры летали в одних и тех же частных самолетах, ездили в одних лимузинах, селились в соседних номерах и кутили за одним столом, устраивая дьявольский балаган везде, куда их только не заносил гастрольный график.

Иные дружеские отношения, сложившиеся в те годы, живы и поныне.

Теперь все изменилось. Менеджеры, агенты, промоутеры, паблишеры, клерки с лейбла и все те, кто выдает себя за них, кишмя кишат вокруг каждого успешного музыканта. В их кровных интересах — не допустить до артистов таких, как я. Но тогда отважные и контактные репортеры прорывались всюду, куда им только требова-

лось, с ламинированными бейджами или без них. Иногда мы даже специально прятали пресс-карточки — просто из куража.

На следующий год я освещала выступление Queen на фестивале Live Aid и вместе с группой журналистов сопровождала группу на нескольких концертах их мирового тура 1986 года в поддержку альбома *A Kind Of Magic*. В Будапеште я присутствовала на репетиции, где Queen играли для сотрудников британского посольства, а потом и на самом концерте, вошедшем в историю как первое настоящее рок-шоу за железным занавесом и один из величайших взлетов группы. Думаю, я мало отличалась от коллег — еще одна 20-летняя конопатая девчонка, потерявшая голову от рок-н-ролла.

Встречая Фредди, я каждый раз удивлялась его необыкновенному изяществу. Возможно, так сказывалась диета из никотина, водки, вина и кокаина, да и аппетитом он особым не отличался. На сцене Фредди смотрелся таким мощным и величественным, что, казалось, и при личной встрече он должен ошеломлять. Ничего подобного. Напротив, он был очень скромным, располагавшим к себе непосредственностью и ребячливостью. Во всех девушках, даже самых юных, он пробуждал материнские чувства. Схожие эмоции в то время вызывал и Бой Джордж, ставший любимцем домохозяек после того, как признался (неведомо, насколько чистосердечно), что предпочитает сексу чашечку чая.

Той ночью в Blanc Gigi Фредди оглядывался по сторонам, страдальчески поднимая брови и бормоча «закурить, закурить бы» своим характерно негромким голосом со слегка манерной интонацией. Меня снова поразило несоответствие его царственной манеры держаться на сцене кроткому, почти беспомощному поведению за ее предела-

ми. Позже этим вечером я своими ушами слышала, как он по-детски запищал «пи-пи», и зачарованно наблюдала, как один из приятелей отвел Фредди в уборную. В тот момент Фредди покорила меня окончательно. Мне захотелось забрать его домой, купать его в ванне, попросить маму приготовить нам на ужин жаркое. Впрочем, обдумав ситуацию позже, я поняла, что дело было вовсе не в беспомощности всемогущей рок-звезды. Просто в том мужском туалете ему бы правда проходу не дали.

Роджер Тавернер, тот самый парень из Express, мигом предложил Фредди красные «Marlboro». Тот принял их, чуть поморщившись, — он предпочитал «Silk Cut». Мы не утомляли его своим вниманием, возможно, именно поэтому Фредди вернулся за еще одной сигаретой. Он спросил, где мы остановились. Мы дали единственно правильный ответ — Montreaux Palace, самая шикарная гостиница города. Фредди, естественно, тоже жил там, занимая президентские апартаменты. Ему и Queen принадлежала Mountain — единственная звукозаписывающая студия на этом живописном швейцарском курорте. Ее техническое оснащение в то время не имело себе равных в Европе.

Через час с небольшим Фредди сказал:

— Конечно, вы прекрасно знаете, кто я такой, — вспышка узнавания мелькнула в его черных глазах.

Ну что, знаем, конечно. Ради него мы и явились сюда. Уже несколько рюмок водки с тоником назад мы представились, отступать было поздно. Впрочем, в эти дни в городе проходило вручение Rose D'Or — престижной в 80-х премии, находившейся тогда на самом взлете. Церемония включала в себя рок-концерт — вполне подходящее алиби для музыкальных журналистов, оказавшихся в городе.

Мы зря боялись, что Фредди не захочет, чтобы британские репортеры доставали его и в Швейцарии, — он

сам настоял на общении. Его слова так часто искажали и перевирали в прессе, что он доверял только немногим из нас. Среди них был Дэвид Вигг — редактор отдела шоу-бизнеса в Daily Express. Он тоже находился тогда в Монтрё; все связанные с Фредди сенсации обычно доставались ему.

Мы сошлись близко, слишком близко. Шансов на официальное интервью не оставалось. Рано или поздно наступит утро, и Фредди начнет подозревать в нас очередных лазутчиков желтой прессы. Не он, так его менеджеры. Мы зашли слишком далеко — пробрались в его тайное логово, где он чувствовал себя в безопасности, и навязали свое приятельство. Тут он не играл недосыгаемую рок-звезду, а был самим собой.

— Именно поэтому я так люблю это место, — объяснял он, — всего два часа лету от Лондона и наконец можно выдохнуть и расслабиться. Сочинять песни и записывать их, просто гулять по улице. Это именно то, что мне нужно на ближайшие несколько лет.

Мы посочувствовали, насколько смогли, боли, которую несет с собой слава. Старались держать себя в руках, чтобы не вскочить и не помчаться звонить нашим новостным редакциям с этой сенсацией года: главный рок-идол страны собирается эмигрировать! Мы уничтожали коктейль за коктейлем, и бесценная возможность уплывала у нас из рук. Тавернер и я чувствовали себя теперь еще и сообщниками по должностному преступлению — наши издания были злейшими конкурентами, и нам полагалось интриговать друг против друга, а не напиваться в дружеской атмосфере. Мы заверили Фредди, что нам доводилось работать со знаменитостями, и мы уважаем все нюансы, связанные с соблюдением неприкосновенности частной жизни. Мы осведомлены, что приватность — это первое,

чем звездам приходится жертвовать, и последнее, с чем они согласны добровольно расстаться. На Фредди наша казуистика произвела впечатление.

Он устался в свой бокал, задумчиво постукивая по стеклу.

— Понимаете, именно поэтому я и не сплю тут посреди ночи, — сказал он. — Я создал монстра. Этот монстр — я сам. Винить тут некого. Я занимался этим с самого детства. Убить был готов ради этого. Что бы ни случилось со мной, это моя вина. Я все решил сам. Мы все гоняемся за успехом, славой, деньгами, сексом, наркотиками. У меня это все есть. Но штука в том, что у меня уже не получается вырваться из этого круга. Я пристрастился к этим вещам сильнее, чем хотел бы.

— Все изменилось, когда я вышел на сцену. Я полностью превратился в такого «рок-супермена». Знаю, о чем говорю, — задача ставилась именно так. Я не мог быть вторым — лучше вообще выйти из игры. Я точно знал, как следует двигаться, как держать микрофон. Обожаю все это дело. Так же работал Хендрикс, это хорошо видно на его концертных видео, об этом знают все, кто видел его вживую. Но сойдя со сцены, он превращался в очень скромного парня. Те, кто ожидал увидеть неистового рокера, оказывались разочарованы. Для меня концерты — это как выход из тела. Я как будто смотрю на все это со стороны и думаю: «Вот это да»!

— Конечно, это наркотик, — говорил Фредди, — один из стимуляторов. Проблемы начинаются в тот момент, когда люди ловят меня на улице и ожидают увидеть его — того, другого, большого Фредди. Но я — другой человек, намного спокойнее. Нужно строго отделять созданный для шоу образ от частной жизни, иначе тебя ждет шизофрения. Такова цена, которую приходится платить. Только не

думайте, что я очередной богатей, плачущийся по пьяни на жизнь. Музыка — вот что дает мне силы. С этим мне повезло по-настоящему.

И что же он думает теперь предпринять?

— Я люблю раздувать дикие драмы из ничего, такой уж я человек, — на секунду мелькает Большой Фредди, мелькает и исчезает.

— Деньги летят как листовки с самолета, лесть льется рекой, я сижу и выбираю, где мне жить — здесь, в Монтрё, или в самом шикарном районе Лондона. Я мог бы купить дом в Нью-Йорке, Париже, везде, где захочу. Я развращен мотовством до глубины души. Во всяком случае, именно этого ожидает публика от парня со сцены... Но если честно, я каждый раз жалею, когда шоу заканчивается, — наконец признается он.

И тут же продолжает:

— Быть в одной из главных групп планеты — не фунт изюму. Ведь и речи быть не может, чтобы я просто вышел прогуляться после обеда или зашел в кафе в Кенте. Все время надо быть начеку. Это своего рода игра, и она нравится мне, уверяю вас. Но иногда...

До рассвета было еще далеко. Фредди, мы и еще пара человек ускользнули из паба и теперь сидели во дворе виллы, над которой возвышались крутые отроги Альп. Фредди уверял, что вилла была свидетельницей древних мистерий и хранит множество секретов, последние из которых — времен нацизма. Прохладный воздух благоухал сосновой хвоей. Тени, отбрасываемые горами в лунном свете, пересекали озерную гладь.

Фредди от души наслаждался своим горным убежищем. Его видами, каждый из которых будто сошел с конфетной коробки, его виноградниками и ежегодным джазовым фестивалем. Он любил Монтрё за Набокова и Чапли-

на, подолгу живших тут, за «Smoke On the Water» — самую известную песню Deep Purple, написанную здесь в 1971 году. Тогда один поклонник Фрэнка Заппы так ловко запалил петарду, что сгорел весь зрительный зал, где шел концерт. А за клубами дыма, что ползли по озеру, в окно отеля наблюдал Роджер Гловер, задумчиво перебиравший струны бас-гитары.

— Просто развейте мой прах над водой этого озера, когда придет время, — балагурил Фредди. За вечер он повторил эту фразу как минимум дважды.

Теперь разговор зашел о радости, которую приносят самые простые вещи. Мы старались тактично обходить вниманием тот факт, что только один из присутствующих располагает состоянием, способным воплотить любые его мечты.

И что вы прикажете делать с таким «экссклюзивным материалом»? Мы ничего не стали делать. Не написали ни строчки.

Фредди и его приятели оказались отличными ребятами. Ночь прошла прекрасно. Он был честен с нами. Возможно, он не доверял нам в той степени, какую подразумевала непринужденность нашего общения. Зная, кто мы такие, он просто не мог не подозревать за нашей открытостью корыстных намерений. Может быть, в глубине души он даже хотел, чтобы эта веселая ночь оказалась очередной подставой прессы, просто чтобы лишний раз подтвердить железное правило рок-звезд: репортеры — это всегда не к добру. В конце концов, ребята вроде нас нередко подводили Меркьюри, пользуясь его доверием, и все об этом знали. Чего тогда никто из нас не мог предположить, так это что дни Фредди сочтены. Впрочем, сам он тогда уже мог об этом знать. Но он и в самом деле жил именно так, как если бы ему оставался один день. Может, именно поэ-

тому он тогда и отбросил осторожность. Мы с Тавернером договорились никак не использовать материал этой ночи в своей работе. Нам не хотелось продавать доверие Фредди за пару броских заголовков.

Рассвет позолотил снежные шапки гор, и они отражались в неподвижной воде, когда мы молча возвращались в отель. Тавернер докуривал свою последнюю сигарету.

— Рок-музыка — явление огромной важности, — провозглашал Космо Холлстром, знаменитый психотерапевт, за плечами которого четыре десятка лет работы со знаменитостями. — Она отражает культуру в ее актуальном состоянии. Она приносит большие деньги и, стало быть, является желанной для многих целью. Это феномен, который никто не вправе игнорировать. Рок-музыка объединяет, создает почву для общности.

Главный козырь рока — в его доступности, — продолжал ученый. — Он обращается к базовым эмоциям, оперирует простыми концепциями, поданными с большим напором. Его нельзя просто пропустить мимо ушей. Если только вы глухи, да и в этом случае нельзя ручаться. Рок-музыка говорит от лица поколения. Совершенно уникальным образом она утверждает его существование.

— Артист — существо, по определению нуждающееся в заботе и помощи, — настаивал Саймон Напьер-Белл, один из самых известных менеджеров в музыкальном мире: он писал хиты для Дасти Спрингфилд, занимался делами Марка Болана, The Yardbirds и Japan, собрал в свое время Wham! и превратил Джорджа Майкла в суперзвезду. Саймон никогда не бросает слов на ветер, особенно когда речь идет о профессиональной сфере.

— Артисты — люди, трагически не защищенные. Им необходимо быть в центре внимания. Они всегда в по-

исках аудитории. Их принуждают быть коммерчески успешными, и всем артистам это отвратительно, но лично я уверен, что только послужил на пользу их искусству. У них всех одна и та же история, это их отличительная черта. Взять Эрика Клэптона. Впервые его увидев, я подумал, что он просто музыкант, исполнитель, но не артист. В группе Джона Мейолла он играл, повернувшись к зрителям спиной, — так стеснялся. Но со временем я понял, как сильно заблуждался. Оказалось, у него не было отца и он вырос, считая свою настоящую мать сестрой, а бабушку — матерью. У артистов всегда трудное детство, как минимум в эмоциональном плане. Отсюда это их неистовое стремление все время чего-то добиваться, чувствовать любовь и внимание со стороны окружающих. Те, кто мотивирован недостаточно, просто сходят с дистанции. Так что поверьте мне, быть звездой — ужасная участь. Тихий столик в хорошем ресторане — что может быть лучше, но когда во время еды каждые тридцать секунд кто-то подходит и просит автограф, уже не до удовольствий. Стоит выйти на улицу, как жизнь превращается в кошмар. И все-таки звездам, несомненно, необходимы такие ситуации. А еще звездам свойственно быстро очаровываться новыми людьми, — продолжает он, — и у этого есть свои недостатки. Когда они получают от новых знакомых все, что те могут дать, они просто выбрасывают их и заводят новые связи. Меня самого выбрасывали так много раз, но что ж тут поделать. Я хорошо знаю этот тип людей и понимаю, что движет ими. Нет никакого смысла сокрушаться, что какая-то звезда была недостаточно добра или внимательна к вам. Звезды просто светят, они такие, какие есть. У каждой из них — тяжелые психологические проблемы. Я гарантирую это, достаточно лишь внимательно